

Оригинальная статья
УДК 101; 13; 14
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14>

Как возможна социальная философия: переход от постмодерна к метамодерну

Константин Валерьевич Аршин

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>*

Введение. Установление господства постмодернизма в качестве ключевой парадигмы философского знания поставило вопрос о предмете социальной философии как философской дисциплины, изучающей проблемы социальности применительно к человеку. С одной стороны, это привело к кризису социальных наук, поскольку социальная философия утратила статус метанауки в структуре социального знания. С другой стороны, увеличило предметное поле социальной философии, включив в него объекты, на которые никогда не был направлен интерес социальных философов (неодушевленные предметы, животные).

Методология и источники. Основой методологии работы выбраны методы критического анализа и компоративистики, что позволяет описать логику развития проблемы утраты социальной философией единства своего предмета в рамках событий как реальной, так и интеллектуальной истории.

Результаты и обсуждение. В статье осуществлена попытка описания возможных трансформаций тематического поля социальной философии в процессе перехода от постмодерна к метамодерну. Автор, анализируя признанную проблему современной социальной философии (ее фрагментированность, отсутствие объекта исследования), демонстрирует возможность ее дефрагментации в период метамодерна при обращении исследовательского интереса к таким вопросам, как изучение человека как социального существа, влияние новых технологий на трансформацию человека и социального, переосмысление социального в условиях взрывного развития технологий, наконец, изучение влияния диалектики социальных эмоций на общество и человека.

Заключение. Автор приходит к выводу, что в текущем состоянии фрагментированная социальная философия не готова к предметному переориентированию, что означает необходимость качественных изменений в предмете социальной философии.

Ключевые слова: постмодерн, метамодерн, социальная философия, обществознание, утопия, фрагментация

Для цитирования: Аршин К. В. Как возможна социальная философия: переход от постмодерна к метамодерну // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14.

© Аршин К. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

How Social Philosophy is Possible: the Transition from Postmodern to Metamodern

Konstantin V. Arshin

*North-West Institute of Management, branch of RANEPA, St Petersburg, Russia,
Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>*

Introduction. The establishment of the dominance of postmodernism as a key paradigm of philosophical knowledge raised the question of the subject of social philosophy as a philosophical discipline that studies the problems of sociality in relation to a person. On the one hand, this led to a crisis in the social sciences, since social philosophy lost its status as a metascience in the structure of social knowledge. On the other hand, it expanded the subject field of social philosophy, including in it objects to which the interest of social philosophers had never been directed (inanimate objects, animals).

Methodology and sources. The basis of the methodology of the work is the methods of critical analysis and comparative studies, which allows us to describe the logic of the development of the problem of the loss of the unity of its subject by social philosophy within the framework of events of both real and intellectual history.

Results and discussion. The article makes an attempt to describe possible transformations of the thematic field of social philosophy in the process of transition from postmodernity to metamodernity. The author, analyzing the recognized problem of modern social philosophy (its fragmentation, the absence of an object of study), demonstrates the possibility of its defragmentation during the metamodern period when research interest is turned to such issues as the study of man as a social being, the influence of new technologies on the transformation of man and the social, the rethinking of the social in the explosive development of technology, and finally, the study of the dialectics of social emotions on society and man.

Conclusion. The author comes to the conclusion that in its current state, fragmented social philosophy is not ready for subject reorientation, which means the need for qualitative changes in the subject of social philosophy.

Keywords: postmodern, metamodern, social philosophy, social science, utopia, fragmentation

For citation: Arshin, K.V. (2024), "How Social Philosophy is Possible: the Transition from Postmodern to Metamodern", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14 (Russia).

«Как можно писать стихи или философствовать после Освенцима» [1, с. 41] – фраза, которую приписывают одному из ярчайших представителей Франкфуртской школы Теодору Адорно. Действительно ли эта фраза принадлежала ему или все-таки Адорно ее не говорил не так важно. Главное, что в ней отразился весь ужас человеческого существования начала XX в. Ее художественным аналогом можно назвать картину Эдварда Мунка «Крик», на которой изображен расплывающейся и как бы сливающийся с природой исходящий криком человек. Будучи написанной в 1893 г. картина эта очевидным образом предвосхитила те исторические события, которые развернутся в Европе буквально через 21 год.

Первая и Вторая мировые войны, а вернее сказать, Тридцатилетняя война (1914–1945) XX в. [2] показала все возможные формы жестокости, на которые способен человек по отношению к себе подобным. И крик изображенного на картине Мунка – это последний крик человека, для которого ответ на третий вопрос И. Канта «На что я могу надеяться?»

лишился смысла, а значит, ответ на четвертый, самый главный вопрос философии «Что такое человек?» никогда не будет найден.

Мясорубка Первой мировой войны, бессмысленная по своей сути, стала порталом, через который иррационализм вошел в жизнь наиболее просвещенной части человечества. Порыв жизни А. Бергсона, сверхчеловек Ф. Ницше, либидо З. Фрейда, декадентский упадок переродившейся в цивилизацию культуры Запада О. Шпенглера, активистская философия Дж. Джентиле, сожаления об утраченной Франции Ш. Морасса, наконец, работы представителей Консервативной революции (Э. Никиш, Х. Фрайера, Э. Юнгера и Ф. Юнгера, А. Мёллера ван ден Брука и ряда других мыслителей) преопределили господство иррационализма в философской и социально-философской мысли.

Но последний удар по рационализму был нанесен отнюдь не ими, а опытом Второй мировой войны, ставшей первой в истории человечества войной, имевшей не только тотальный (театры военных действия развернулись в Европе, Ближнем Востоке, Атлантическом и Тихом океанах, Азиатско-Тихоокеанском регионе), но и крайне рационалистический характер: использование механизированных танковых корпусов, железных самолетов, огромных линкоров, авианосцев и подводных лодок. В сражениях участвовали миллионные армии, а от бомбежек и террора, развернутого сторонами на оккупированных территориях, гибли миллионы людей. Использовались концлагеря для военнопленных и гражданских и, наконец, холокост евреев, в котором было уничтожено практически все восточноевропейское еврейство. Нельзя забывать и о перестройке общества на военный лад, что было характерно не только для СССР и Германии, но и для Великобритании, Японии и США. В предельном случае это превращало человека в винтик рациональных по своей сути военных машин, в столкновении которых эти винтики ломались, дробились и умирали. В таких условиях человеческая жизнь, а тем более человеческое достоинство, стоили немного, поскольку отдельный человек, с точки зрения рациональных военных машин, не представлял какой-либо ценности.

Вторая мировая война стала именно тем водоразделом, который разделил человеческую историю на «До» и «После» господства рационализма. Именно Вторая мировая война как вершина рационалистической философии лишила категорию «прогресса» ее положительных коннотаций. В этой связи то, на чем зиждилась философия Нового времени (а именно представлении о прогрессе человеческого разума, абсолютного духа, общества) оказалось разрушенным и выкинутым на «свалку истории». Ведь именно под речитатив о прогрессе и рационализме миллионы евреев шли в концентрационные лагеря и газовые камеры, которые сами по себе были воплощением технического рационализма [3]. Даже в апреле 1945 г. в условиях проигранной войны нацисты продолжали уничтожать евреев, и фактическая иррациональность их действий скрывалась под личиной абсолютной рациональности [4].

Тридцатилетняя война XX в. дискредитировала рационализм эпохи модерна, сделав его основой страданий миллионов людей. Пренебрежение чувствами и переживаниями конкретных людей, превращение их в атомизированную молчаливую массу, эмоциями которой управляет один человек, превращение этой массы в инструмент рационализации общества в духе «высокого модернизма», как представил его в своей книге социальный теоретик Джеймс К. Скотт [5], положило конец вере западного общества в прогресс. Окончательную же точку поставили проекты модернизации новых государств, которые были сформированы в рамках по-

литики деколонизации 1950–60-х гг. Оказалось, что проект Просвещения, строящийся на понятиях рационализма и прогресса (как общественного, так и прогресса человеческого разума), не только оказался провальным, но чреват превращением человеческого существа не более чем в прах, который выгребали из печей Освенцима, дабы они не засорились [6].

В 1979 г. выходит работа французского философа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [7], в которой был провозглашен переход от «больших нарративов», или метанарративов проекта Просвещения, к постмодернизму, предполагающему отказ от представления об истине как категории характеризующей прогресс науки, критику самой науки, как воплощения тоталитаризма (наука множественна, как множественна истина, и стоит на службе у капитала и государства) и равенства конкурирующих друг с другом малых нарративов.

Для науки это означало утрату всяческих ориентиров. Ведь если ранее ее стремление к познанию истины было очевидным, а господствующим методом проверки научности был метод верификации, который базировался на сопоставлении результатов научного исследования с эмпирическими фактами [8], то в условиях господства постмодернизма оказалось, что этот метод уже не работает. Необходим был новый метод, который и был предложен К. Поппером, – метод фаллибилизма. В его основе лежало не стремление сопоставить теоретические данные с эмпирическими и на этой основе делать заключение о научности того или иного положения, а предположение, что стремление к абсолютной истине лежит через последовательную фальсификацию научных положений. Иными словами, если в основе научной теории лежит возможность ее опровержения (пусть даже возможного лишь в будущем), то такая теория должна рассматриваться как научная [9].

В приложении к социальной теории эпистемология Поппера означала отказ от каких бы то ни было утопий и стремления их практического воплощения. Идеалом Поппер считал политическую самостоятельность людей, обладающих статусом гражданина, поскольку именно граждане обладают возможностью критиковать правительство и элиминировать политические программы, которые их чем-то не устраивают (как ученые элиминируют фальсифицированные научные теории). Такое общество Поппер назвал открытым [10]. В настоящее время термин открытое общество практически превратился в субститут термина либерально-демократическое общество и западные государства. Для самого Поппера вряд ли возможность подобной подмены была очевидна. Но как бы то ни было, в настоящее время это так [11].

Проникновение постмодернизма и установление господства антисциентизма в философии вообще и социальной философии в частности привело к фрагментации философии, которая более практически никем не рассматривается как метанаука, лежащая в основе всех (как гуманитарных, так и естественных) наук, но как некое учение о достойной жизни (от Античности до Нового времени такое представление о философии было характерно лишь для этики, но никак не для философии вообще). Такая же фрагментация постигла и социальную философию, что ввергло ее в жесточайший кризис. Один из ведущих отечественных социальных философов К. Х. Момджян в статье еще 2012 г. обозначил причины наступления этого кризиса. С его точки зрения в основе кризиса современной социальной философии лежат – антисциентизм, постмодернизм, «химера <...> антропологизма» и ренессанс прагматизма, «который пытается превратить социальную философию в то, что американцы

называют *usefull knowledge*» [12, с. 61]. Все это ведет к появлению господства дефляционной теории истины, когда истина понимается как нечто избыточное в рамках осуществления языковых игр. В этих условиях, «истинность некоего предложения – это его утверждение, а ложность – его простое отрицание» [13, с. 60]. Безусловно, при подобном отношении к истине она теряет свое содержание как «образ проекции» предмета, на который направлен взгляд исследования. Как следствие истина не просто делается излишней, но просто умирает. На замену ей приходит интерпретация.

В подобных условиях сетования К. Х. Момджяна на фрагментацию социальной философии, в чем он винит фактически победу когерентной и прагматической теории истины над классической теорией, можно рассматривать как последнюю попытку вернуть социальной философии статус научности, т. е. сделать ее пусть не наукой, поскольку как было заявлено выше философия – это метанаука, но методологическим основанием всех социальных наук. Однако представляется, что данная попытка будет неизбежно провальной, поскольку интерпретация уже заняла то место, которое занимала истина. Это значительно расширяет предметную область социальной философии вплоть до исследований леса [14] и защиты животных [15], т. е. нечеловеческих объектов. Причем, что касается последних, то вопрос стоит уже не в части изучения социальных форм взаимодействия общественных животных (обезьян, пчел, термитов и т. д.), но просто животных, которых необходимо защищать уже от человека, причем под эту борьбу подводится серьезная методологическая база акторно-сетевой теории [16], объектно-ориентированной онтологии [17], теории ассамбляжей [18].

Таким образом очевидно, что постмодернизм практически разрушил социальную философию как науку о предельных основаниях совместного бытия людей (то есть социальности) вне зависимости от того, объясняли ли социально-философские теории социальность с точки зрения валюативных или рефлексивных оснований [19]. Представляется, что логическим концом постмодернистского понимания социальности стала позиция ныне широко известного израильского социального теоретика Ю. Харари, который в книге «Номо Deus. Краткая история будущего» [20] выразил позицию крайнего индивидуализма, заявив об антисоциальности человека будущего, а также необходимости подготовки себя уже сейчас к перерождению в Номо Deus посредством индивидуалистических практик (например, йоги, медитирования и т. д.).

Эпоха постмодерна практически умертвила социальную философию в ее модернистской версии как метанауки о закономерностях развития общества и человека как социального существа. Рассмотрение человека как вершины эволюции, причем как биологической, так и социальной и культурной, уступило место, как уже было показано, методологическому подходу, в котором человек был лишь одним из многих объектов исследования (как одушевленных, так и неодушевленных).

Однако многие философы утверждают, что постмодернизм в настоящее время скорее мертв, чем жив. На смену ему идет эпоха метамодернизма [21], которая представляется диалектическим единством положений модернизма и постмодернизма. Чем же это обернется для социальной философии? Этот вопрос достаточно важен, но описать ее будущее не представляется возможным. В данном случае возможно лишь представление тенденций, путь к которым прокладывает эпоха метамодернизма:

1. Гуманизация социальной философии. В данном случае под гуманизацией понимается обращение к человеку как основному субъекту социальности, а именно как ее активному творцу и пользователю. Это означает необходимость формирования новых теорий социальности, которые, несмотря на отношение к человеку как приоритету (знаменитое кантовское отношение к человеку исключительно как к цели, но не средству), сохраняет интерес к окружающему миру (животные, неодушевленные предметы), взаимодействие с которым делает человека человеком.

2. Появление новых технологий, в том числе человекоподобных. В данном случае речь идет о технологиях искусственного интеллекта и роботах. Уже сегодня искусственный интеллект поражает воображение (вспомнить хотя бы как искусственный интеллект обыграл чемпиона мира по го – игре, которая, как казалось, неподвластна искусственному интеллекту). Каким он станет завтра не знает никто. Жизнь неживых форм, к которым относятся искусственный интеллект и роботы, их превращение в элементы социальности, а возможно, и грубое вторжение в социальность должно быть осмыслено. Например, вопрос, возможно ли воспитание человека роботом или искусственным интеллектом, притом, что он будет заботиться, играть, кормить и делать все то же, что делает мать для ребенка. Примеры воспитания ребенка животными показывают, что воспитанный таким образом ребенок никогда не станет человеком. Станет ли человеком ребенок, воспитанный роботами, и какую форму социальности он приобретет?

3. Переосмысление самой категории социального. Постмодерн полностью разрушил социальное в том смысле, как его понимали в эпоху модерна, где социальное по преимуществу носило субстанциальный характер, что позволяло говорить о холизме социального. В период постмодерна социальное редуцировалось до того, в отношении чего справедливой является фраза из статьи Ю. Эльстера «*Marxisme et individualisme méthodologique*», в которой он утверждает, «что любое социальное явление, – будь то процесс, структура, институт, хабитус, – может быть объяснен действиями и свойствами индивидов, которые в нем участвуют» [22, с. 65], что фактически является научнообразным переложением слов британского политика М. Тэтчер, согласно которым не существует такого феномена как общество, а существуют только мужчины и женщины, взаимодействующие друг с другом. Другой современный социолог Д. Урри в книге «Социология за пределами обществ» указал на необходимость разработки новой социологии, в центре которой должно стоять не понятие общества, а понятия сетей, мобильности и горизонтальных движений [23]. Наконец, французский социолог А. Турен [24] призвал отказаться от понятия общества как тоталитарного понятия и сконцентрироваться на изучении социальных отношений и социальных изменений. В новой эпохе, в которой вероятно появятся мыслящие машины, которые будут существовать наряду с человеческими существами, вопрос о категории социального встанет в полный рост. Ранее приведены примеры точек зрения современных социологов, согласно которым социология должна избавиться от проблем, связанных с изучением понятий «общество» и «социальное». Но если эти понятия не интересны социальной теории, то для социальной философии они выступают в качестве фундаментальных, отказ от изучения которых фактически делает невозможным для той же социальной теории понять содержание, структуру и функции социальных отношений, за изучение которых она в лице ряда современных социологов так ратует.

4. Изучение социальных эмоций человека, которые так или иначе влияют на развитие общества. В настоящее время количество таких работ крайне ограничено. Из наиболее известных и новаторских можно назвать «Страх» К. Робина [25], «Зависть» Г. Щёка [26], а также ряд работ П. Сорокина, в которых он исследует альтруизм как базовую социальную эмоцию, развитие которой необходимо для реконструкции социального на новых основаниях.

В настоящее время не уделяется должного внимания изучению социальных эмоций, того как они формируются, что влияет на их генезис (в положительную либо отрицательную стороны), наконец, как они влияют на социум. Необходимость понимания генезиса и развития социальных эмоций тем более важна в рамках упомянутого развития технологий искусственного интеллекта и робототехники. Кроме того, именно исследование темы социальных эмоций сможет стать той первичной базой, которая объединит валюативный и рефлексивный подход к социальной философии. В то время как внимание первого будет направлено на изучение ценностных оснований пребывания человека в обществе (и соответственно оснований социальных эмоций человека), второй будет направлен на изучение объективных условий (собственность, власть, государство, неравенство) формирования социальных эмоций человека и их обратного влияния на трансформацию объективных условий существования человека как социального существа.

Подводя итог всем приведенным аргументам, нельзя не солидаризоваться с мнением американского социолога И. Валлерстайна [27], согласно которому меняющийся социум требует новой общественной науки, которая будет свободна от давления социальных доктрин, разработанных как в период модерна, так и постмодерна, поскольку они не могут объяснить влияние современных технологических и социальных трансформаций. Новая общественная наука будет на это способна. Однако каким образом это будет сделано пока остается неразрешимым вопросом, поскольку переход от постмодерна к метамодерну только начался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябов П. В. Экзистенциализм. Период становления. М.: РИПОЛ классик, 2019.
2. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем.: А. Антоновский и др. М.: Логос, 2003.
3. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова. М.: Социум, 2020.
4. Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. М.: Европа, 2010.
5. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.
6. Хоркхаймер М, Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
7. Lyotard J.-F. la condition postmoderne. Paris: Les Éditions de Minuit, 1997.
8. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001.
9. Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Едиториал УРСС, 2008.
10. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс, 1993.
11. Павлов А. В. Либерализм и открытое общество // Социум и власть. 2011. № 4. С. 13–19.

12. Момджян К. Х. Кризис фрагментации в современной социальной философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. № 1. С. 61–71.
13. Муха О. Я. Критерии истинности и научности постмодернистского знания // Вестн. ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 39 (1). С. 58–66.
14. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии / пер. с нем. Н. Штильмарк. М.: Изд-во ВШЭ, 2018.
15. Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
16. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ.; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ВШЭ, 2014.
17. Harman G. Towards Speculative Realism: Essays and Lectures, Winchester: Zero Books, 2010.
18. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
19. Аршин К. В. Проблема статуса и предмета социальной философии: актуальные вопросы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 140–151.
20. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбат, 2022.
21. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело: Изд-во РАНХиГС, 2019.
22. Elster J. Marxisme et individualisme méthodologique // Sur l'individualisme. Théories et méthodes. Birnbaum P., Leca J. (eds.), Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1986. P. 60–76.
23. Urry, J. (2000), *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twentyfirst century*. London: Routledge.
24. Touraine A. La sociologie est-elle encore l'étude de la société? // Les scientifiques parlent... Jacquard A. Paris: Hachette, 1987. P. 189–234.
25. Робин К. Страх. История политической идеи / пер. с нем. А. Гергиева, М. Рудакова. М.: Территория будущего: Прогресс-Традиция, 2007.
26. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения / пер. с англ. В. Кошкина. М.: ИРИСЭН, 2008.
27. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004.

Информация об авторе.

Аршин Константин Валерьевич – кандидат философских наук (2010), докторант Института философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. Автор 74 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, национализм, миграционные исследования, мир-системный анализ, неомарксизм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Ryabov, P.V. (2019), *Ehkzistentsializm. Period stanovleniya* [Existentialism. Formative period], RIPOl klassik, Moscow, RU.S.
2. Nolte, E. (2003), *Der europaeische Buergerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*, Transl. by Antonovskii, A. et al., Logos, Moscow, RU.S.
3. Nisbet, R. (2020), *History of the Idea of Progress*, Transl. by Kuznetsov, Yu. (ed.), Sotsium, Moscow, RU.S.

4. Bauman, Z. (2010), *Modernity and the Holocaust*, Transl. by Kastal'skii, S. and Rudakov, Evropa, Moscow, RUS.
5. Scott, J. (2005), *Seeing Like a State*, Transl. by Gusinskii, E.N. and Turchaninova, Yu.I., Universitetskaya kniga, Moscow, RUS.
6. Horkheimer, M. and Adorno, T.W. (1997), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsov, Medium, Yuventa, Moscow, SPb., RUS.
7. Lyotard, J.-F. (1997), *la condition postmoderne*, Les Éditions de Minuit, Paris, FRA.
8. Apel, K.-O. (2001), *Transformation der Philosophie*, Transl. by Kurennoi, V. and Skuratov, B., Logos, Moscow, RUS.
9. Popper, K.R. (2008), *Evolutionary epistemology*, Transl. by Lachuti, D.G., Editorial URSS, Moscow, RUS.
10. Popper, K.R. (1993), *The Poverty of Historicism*, Transl. by Kudrina, S.A., Progress, Moscow, RUS.
11. Pavlov, A.V. (2011), "Liberalism and the open society", *Society and power*, no. 4, pp. 13–19.
12. Momdzhyan, K.Kh. (2012), "The crisis of fragmentation in modern social philosophy", *Moscow Univ. Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 1, pp. 61–71.
13. Mucha, O.Ya. (2012), "Criteria of truthfulness and the scientific quality in post-modern knowledge", *St. Tikhon's Univ. Review. Ser. I: Theology. Philosophy*, no. 39 (1), pp. 58–66.
14. Küster, H. (2018), *Geschichte des Waldes. Von der Urzeit bis zur Gegenwart*, Transl. by Shtil'mark, N., Izd-vo VShE, Moscow, RUS.
15. Pinker, S. (2021), *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*, Transl. by Borodina, G. and Kuznetsova, S., Alpina non-fiction, Moscow, RUS.
16. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Transl. by Gavrilenko, C., Izd-vo VShE, Moscow, RUS.
17. Harman, G. (2010), *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures*, Zero Books, Winchester, UK.
18. DeLanda, M. (2018), *A new philosophy of society: The theory of assemblages and social complexity*, Transl. by Maiorova, K.S., Gile Press, Perm, RUS.
19. Arshin, K.V. (2020), "The problem of status and subject of social philosophy: current issues", *Izvestiya Tula State Univ. Humanitarian sciences*, no. 4, pp. 140–151.
20. Harari, Yu.N. (2022), *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*, Transl. by Andreev, A., Sindbat, Moscow, RUS.
21. Pavlov, A.V. (2019), *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Post-Postmodernism: How social and cultural theories explain our time], Delo; Izd-vo RANKhiGS, Moscow, RUS.
22. Elster, J. (1986), "Marxisme et individualisme méthodologique", *Sur l'individualisme. Théories et méthode*, Birnbaum, P. and Leca, J. (eds.), Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, Paris, FRA, pp. 60–76.
23. Urry, J. (2000), *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twentyfirst century*, Routledge, London, UK.
24. Touraine, A. (1987), "La sociologie est-elle encore l'étude de la société?", *Les scientifiques parlent...* Jacquard, A., Hachette, Paris, FRA, pp. 189–234.
25. Corey, R. (2007), *Fear the history of a political idea*, Transl. by Gergieva, A. and Rudakov, M., Territoriya budushchego: Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
26. Schoeck, H. (2008), *Envy. A Theory of Social Behaviour*, Transl. by Koshkin, V., IRISEN, Moscow, RUS.
27. Wallerstein, I. (2004), *The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century*, Transl. by Inozemtsev, V.L., Logos, Moscow, RUS.

Information about the author.

Konstantin V. Arshin – Can. Sci. (Philosophy, 2010), Doctoral Candidate, RAS Institute of Philosophy, 12 bldg. 1 Goncharnaya str., Moscow 109240, Russia. The author of 74 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, nationalism, migration studies, world-systems analysis, neo-marxism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 20.11.2024.